

Александр ЛЫСЕНКО

Лысенко Александр Иванович родился в 1951 году в селе Назарово Красноярского края. Автор более десяти книг исторической прозы и краеведения. Книги «Почётные граждане города Орла», «Орёл», «Болхов, колокольное имя твоё», «Достопримечательности Орловского края» приобрели популярность у читателей и получили российские и областные награды. Лауреат Всероссийской премии «Александр Невский» и других литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ, действительный член Академии российской литературы, основатель издательства «Вешние воды». Живёт в Орле.

ОНА НЕЧАЯННО НАГРЯНЕТ...

(отрывок из повести)

Валерий Иванович чувствовал себя выжатым лимоном. Собрание затянулось, и писатели расходились, как будто разгружали вагоны с углём. Несколько часов спорили избрать или не избрать Генриэтту Артамоновну членом Союза писателей, да так и не избрали. И всё поэт Дьяконов. Мол, уважает её докторскую степень, профессорский авторитет в научном мире, множество научных книг, статей в известных журналах, но! Где художественные произведения – стихи, рассказы, повести, романы? Пушкин не был ни доктором наук, ни профессором, а все гонялись за его книгами. А тут ещё подогревала многих весть, что помощники учёной принесли несколько сумок разной снеди, чтобы отметить вступление, кто-то даже видел зарубежные этикетки изысканных напитков, бутылки которых приветливо выглядывали из объёмных сумок. И вот всё это исчезло после объявления отрицательного результата. Правда и честность на этот раз победили. Хотя всё относительно в этом мире...

Далёкие 50-е. Литературный институт. Общежитие, их третий курс готовился к летней сессии, а тут весна, цветущая Москва, от красоты девушек голову сносит у мужчин всех возра-

тов. Будущие писатели далеко не в последних рядах дыхателей. По ночам только и слышались звуки открываемых и закрываемых окон, нередко звон разбитых стёкол, не говоря уже о звенящих гитарах, любимых песнях и громогласном декламировании стихов. Однако один третьекуртник Дима Швец не замечен был ни разу в том, что встречается с девушками. А собою был красив – косяя сажень в плечах, лицом похож на одного из популярных артистов, высок, строен. Девушки как стая синичек увивались за ним, но всё тщетно, ни одной он не уделил внимания. И вдруг Дима объявляет, что у него сегодня вечером свидание. Ребята обрадовались, стали наперебой предлагать кто новый костюм, кто новую рубашку, галстук, туфли. Годы ещё сказывались послевоенные, одежда хорошая была редкостью. В общем, одели красавца, отправили и разошлись по своим делам, надеясь утром услышать ожидаемую победную историю.

Не тут-то было! Спустя пару часов Дима приплёлся в общежитие совсем не в радужном настроении. «Что случилось?! Давай рассказывай!» – накинулись на него студенты. «Что рассказывать?» – промямлил наш герой.

«Ну, встретились...» «А дальше!?» – нетерпеливо теребили его товарищи. «Ну, пригласила меня Света к себе домой». «Давай дальше!» – настаивали ребята. «Ну, посидели, выпили, всё было вкусно...». «Не тяни!» – потребовали слушатели. «Ну, пригласила меня Света посидеть на диване...».

«Что тебя, заело?» – зашипели вокруг. «Ну, стал я её обнимать, раздевать, а она спросила: Ты меня любишь?». «И что?» – почти закричали окружающие.

«Ну, я честно ответил: “Нет!”». «Тогда пошёл вон отсюда!» – закричала Света, и я пошёл...»

«Тоже правда, но победа где?» – стук в дверь прервал размышления Валерия Сорокина, ответственного секретаря областной писательской организации. На пороге его кабинета стояла Надя... Он бы узнал её из тысячи женщин, хотя прошло уже лет двадцать пять, как она уехала с Никитой на Север по месту службы мужа. Все трое были из одной деревни Алексеевки, а Надя была первой любовью Валерия. Из-за какой-то незначительной мелочи они поссорились, а друг Никита, возьми, да предложил Надежде замуж и увёз её на Север. «Сколько лет, сколько зим...» – начал было писательский руководитель, поднимаясь из-за старинного, массивного стола. «Какие зимы?» – засмеялась Надежда, «Как же я скучала без тебя! Без твоих песен, без твоих шуток, наконец, без твоих стихов!» – прошептала она и кинулась на шею Валерия. «Мы вернулись в наш город, Никита отслужил, квартиру нам дали прямо напротив нашего института, на двоих целых три комнаты, теперь собирайся и я веду тебя к нам на ужин», – одним махом протараторила неожиданная гостья. «Странно, как она узнала, где я работаю, нашла меня прямо в кабинете и ведёт себя так, словно мы вчера расстались?» – пронеслось в голове у Валерия Ивановича. «Значит, она все годы была в курсе всей моей жизни и не разлюбила меня?» – озадаченно размышлял шагавший как автомат, поэт.

«Меньше всего я рассчитывал, что ты останешься в нашем городе, тебе надо было жить в Москве, либо в Переделкино, где живут все киты русской литературы, чего ты тут забыл? Или дожидался, когда твоя Надька приедет?» –

с какой-то нерадостной улыбкой, здороваясь, произнёс Никита. «Ушёл поезд Никита, внуки уже женихаются», – парировал Валерий. «До сих пор ревнует! Знает кошка, чьё сало съела!» – почему-то радостно подумалось ему.

За столом все оттаяли, вспомнили свою Алексеевку, красивые рассветы, лунные ночи, песни, танцы у костра, учёбу в институте, старинный город, ставший им родным. Прощались далеко за полночь, с пожеланиями следующую встречу провести у Валерия.

Дома Валерий Иванович рассказал о встрече с земляками и только произнёс имя Надежды, как жена встрепенулась: «Уж, не та ли Надя, именем которой ты называл меня во сне в первый год нашей жизни? А, если та, то я не собираюсь с ними встречаться! Хватит мне твоих молодых, талантливых писательниц!». «Ну, не собираешься, так и не встретимся», – буркнул в ответ Валерий и пошёл спать. Ночью ему снилась речка в родной Алексеевке, где он сидит в любимой лодке класса «Фофан», а вёсел нет, хотя лодка плывёт довольно быстро. Пришлось грести руками, но так неудобно, лодку заносит то вправо, то влево, так как грести можно лишь с одного борта.

По дороге в Союз писателей ответственного секретаря Сорокина охватило чувство, как будто у него появилось что-то новое, дорогое и очень ценное. Бросилось в глаза, что снег уже почти сошёл, почки на деревьях чуть увеличились. Захотелось подойти к люку возле соседнего дома, где, по рассказам детей, они всегда весной любовались подснежниками. И точно! В двух проталинках, на тоненьких стебельках висели ещё не распустившиеся белые фонарики. Подснежники чуть дрожали в утренней дрёме, в тени огромного здания, зная, что к вечеру солнце придёт на их сторону и тогда лепестки цветов распустятся во всей красе. Поэт радостно ощутил, как всю, уставшую от повседневных забот, писательских склок и домашних неурядиц, душу заполняют весеннее солнце и свежесть просыпающихся деревьев.

День задался очень насыщенным. Пришли двое писателей с рукописями в распечатанном и электронном вариантах, как и требовал Валерий Иванович, чтобы было меньше проблем с типографией, да ещё с радостной вестью, что

нашли спонсоров для оплаты, нужны только письма-просьбы от писательской организации. Из областной администрации позвонили, что почётные грамоты для юбиляров готовы, нужно только согласовать время и место вручения. Далее звонки, посетители, поход в поликлинику... И всё это время в голове Валерия крутились песни юности: «Голубые города», «Гармошка», «Ничего не вижу» и т.д. Напевая: «И сердце у девушки бьётся, как птица, под звуки гармошки...», он попрощался с бухгалтером Ниной Никитичной, у которой была всего одна запись в трудовой книжке («Принята на должность бухгалтера в областную писательскую организацию», когда он был ещё студентом). В организации он остался один. Однако на пороге кабинета возникла опять Надя!

Крепко обхватив любимую женщину, Валерий стал её неистово целовать, что-то растёгивать и снимать. Когда уже одежды осталось совсем немного, пронеслась мысль, что на диване им будет тесно, а корячиться раскладывать – терять темп не хотелось. Он подхватил любимую на руки и водрузил её прямо на огромный стол совещаний, где была полная свобода действий...

«Так ты в литинституте приобрёл такое мастерство?» – рассмеялась раскрасневшаяся Надя. «Я совершенно потеряла голову! Чувствую, что мне опять семнадцать, когда ты впервые меня поцеловал, помнишь нашу лавочку на берегу речки? Но, чтобы вот так влюбляться на столе, где кипит литературная жизнь области, я не могла представить ни в одном фантастическом сне, причём, ведь мы никогда не знали физической близости». Валерий не узнавал сам себя. Он вдруг почувствовал себя всемогущим, молодым и бесконечно счастливым. Никаких страхов, никаких сомнений, никаких угрызений совести. Рядом с ним находилась та, которая всегда была в голове самой главной и желанной. Все другие женские образы, включая, к сожалению, и Зину, жену, отошли куда-то далеко-далеко. Исчезли двадцать пять лет разлуки, казалось, жизнь только начинается... Вспомнили школьные тропинки, на которых Валерка Сорокин поджидал после уроков Надьку Нашиванову, чтобы нести, как награду, её портфель и болтать ни о чём, наслаждаясь её красивой спортивной фигуркой,

её бездонными синими глазами. Впрочем, насчёт фигур у девчонок он в те годы мало чего сообщал, просто нравились у неё каждый жест, каждое движение. Частенько за ними пытался увязаться Никита из параллельного класса, но парочке удавалось ускользнуть.

«Ой! Так есть хочется! Да и твёрдо, оказывается, лежать на столе!» – воскликнула Надя. Через несколько минут они сидели за этим же столом и уплетали всё, что нашлось в холодильнике у Валеры. Вскоре Надежда засобиралась домой и, поцеловав друга юности, упорхнула. Валерий Иванович довольно долго приходил в себя в вечернем полумраке кабинета.

Все казалось каким-то фантастическим сном. Но потрясающее ощущение полёта души, и небывалое физическое удовлетворение жажды желанной женщины наполняли всё его существо. Мысленно он поставил плотину вопросам: «Что делать дальше? Как вести себя в семье? Как Надя объяснит мужу своё поведение и задержку на работе, которая находилась в соседнем здании? Как себе признаться, что его сейчас интересует только любовь к ней? Сейчас я буду только вспоминать сегодняшний вечер, смаковать наши прекрасные минуты общения. Домой сегодня не пойду, мне там сказать нечего, а утром подумаю на свежую голову». С этими мыслями Валерий сладко уснул на диване в кабинете.

В семь часов его разбудил звонок жены: «Опять перепил? Кто обещал прийти пораньше и починить смеситель в ванной? Сегодня, надеюсь, не задержишься?» Валерий вдруг почувствовал серость и мелочность своей семейной жизни, в последние годы, натянутые отношения с Зиной и выпалил: «Я сейчас занят, потом перезвоню!» – и положил трубку. Тонкий аромат вчерашней встречи ему показался осязаемым, в голову лезли строки:

*Как лавина, встреча захлестнула,
Мысли, чувства, всё перевернула.
Сам того ещё не понимая,
Всё сильней, сильней любил тебя я.
Каждый взгляд твой я ловил так жадно,
Словно жажда мучила нещадно.
Как прекрасны те мгновенья были,
Что красивые глаза твои дарили....*

«Ладно, потом досочиняю», – решил Валерий Иванович, но, как профессиональный поэт, быстренько записал эти строки в свою записную книжку. Наскоро убрав следы вчерашнего ужина, он поспешил в ближайшее кафе позавтракать. На улице всё изменилось, дома, казалось, распахнули широко свои глаза-окна и улыбались подъездами и козырьками над входными лестницами, проходящие автомобили, троллейбусы и трамваи, везли в ладошках-салонах красивых и, конечно, влюблённых пассажиров, а лёгкий морозец ласково щекотал распрямившуюся грудь писателя. Возвратившись в кабинет, Сорокин столкнулся с Водяшкиным, который преследовал его уже третий год с целью вступить в Союз писателей России. Так и есть, убедился поэт, принёс очередную новую книгу, формата А4, да ещё в цвете. «Привет, талантище! Срочно вызывают в администрацию! Оставляй книгу, встретимся через недельку», – проговорил Валерий Иванович, зная, что руководитель секции поэзии Юрий Ковыркин опять напишет разгромную рецензию на книгу заядлого графомана. Что делать, если теперь позволено печатать всё, что угодно, кроме порнографии, призывов к разжиганию межнациональной вражды и свержению существующего строя.

Вот и мучаются библиотекари от наплыва такой дармовой литературы, не зная как отбиться от армии псевдописателей, которым некуда деть тиражи своих никому не нужных книг. Внешне книги таких авторов выглядят неплохо: цветная обложка, твёрдый переплёт, а внутри произвольный, нередактированный, часто безграмотный текст. После нескольких таких книг читатель начнёт думать, что современная литература деградирует. А настоящий талант не может издать книгу потому, что денег не нашёл. И он, как ответственный секретарь, вынужден не один год помогать своим профессиональным писателям искать деньги, выпускать их новые книги, даже пытаться продать через почти исчезнувшие книжные магазины, проводить презентации...

В голове пронеслась мысль о Наде как она там, удачно ли объяснила, что поздно пришла, но теперь было уже, как говорится, поздновато, тут раздался звонок, и как раз это оказалось Надя. Она сказала, что её как новую работницу

посылают в командировку в Москву на целый месяц и уезжает она через два дня. «А что», – подумал Валерий:– это неплохо, теперь есть причина ему также поехать в Москву, где действительно им будет свободнее, чем в своём городе. Стоп! Есть отличный повод. Молодой писатель Семёнов должен ехать в Москву на приёмную комиссию по вступлению в члены Союза писателей. Вот как раз я с ним и поеду, хороший предлог!»

Будет лучше, если он уедет сегодня же, найдёт удобную гостиницу, подготовит культурную программу для бывшей северянки и, раз судьба им хочет подарить медовый месяц, то надо его использовать на полную катушку. Подвернётся ли ещё такой случай! Дело было за малым, чтобы красивые формы любимой женщины не пострадали, их надо питать, как говаривал герой из какого-то фильма. И питать надо телесно и духовно, а на это, как ни банально, нужны деньги. Времена, когда член Союза писателей стабильно издавался и получал гонорар, сопоставимый с годовой и более приличной зарплатой, канули в лету. Совсем недавно маститый классик предложил Валерию Ивановичу выпить по рюмке коньяка в буфете Центрального Дома литераторов, ибо это был весь гонорар за последнюю книгу, а в прежние времена можно было купить автомобиль «Волга», правда, и тираж был бы не тысяча экземпляров, а не менее трёхсот тысяч. «Придётся взять всё, что принёс Матвей Варнавский на издание своего двухтомника к шестидесятилетнему юбилею, по приезду приложу все силы, чтобы найти спонсоров, выиграть грант областной администрации, но книги издам», – решил Сорокин.

В Союзе писателей обратили внимание на то, как посвежел и как будто помолодел Валерий. Витю Семёнова приняли в члены единогласно, канцелярия забронировала двухместный номер в гостинице «Юность», которую так любил ответственный секретарь за удобное расположение рядом со станцией метро «Спортивная». Толстый сборник его стихов с автографом и огромная шоколадка, растопили сердце строгой, с виду, администраторши, и она предложила вместо двухместного номера полулюкс по почти той же цене. Раздевшись в номере, Валерий осмо-

трел все уголки двух комнат, ванной и остался доволен: скромненько, но для двоих неплохо и не так дорого. Он раскрыл журнал «Досуг», купленный в киоске у входа в метро и стал изучать репертуар московских мероприятий. Набросав список понравившихся пунктов в блокнот, Сорокин спустился в ресторан поужинать. Палтус горячего копчения с печёными овощами и бокал чешского пива вполне удовлетворили его аппетит. Вспомнились годы молодости, когда эта гостиница принадлежала комсомолу и попасть в неё «с улицы» было практически невозможно, но всегда здесь был полный порядок, отличное питание и интересные мероприятия.

Надя вышла из вагона поезда с улыбкой и яркой сумкой, обрадовалась красивым розам, преподнесённым Валерием. «Мой что-то стал подозревать. Ему не понравилось, что я так обрадовалась, что еду на курсы, даже пообещал приехать, навестить». «Я тебе забронировал одноместный номер, оформляйся, а будешь жить у меня», – ответил Сорокин. И началось! Завтраки вдвоём, что может быть прекраснее – после ночных объятий любоваться любимой женщиной в белом халате с распущенными волосами, с аппетитом уплетающей вкусную снедь, с улыбкой посматривающей на то, как ты любишься ею. «Да, Надюшка сохранилась на славу, хоть нам уже далеко за сорок, то ли север помог законсервироваться, то ли конституция такая, то ли Никита заботился, как об украденной невесте. Особенно красиво выглядела шея, в такие годы выдававшая возраст большинства женщин. Ну, и, конечно незабываемая синева её глаз», – то и дело проносилось в голове у Валерия.

Знакомая гид провела обзорную экскурсию по Москве с выходом на смотровой площадке Ленинских, тьфу, Воробьёвых гор, по Красной площади и внутри Кремля. Послушали «Иоланту» в Большом, сходили на вечер юмора с участием Георгия Вицина и Евгения Моргунова. Побывали на концерте любимых певцов 50–60-х годов «Звёзды не гаснут», заглянули в «Табакерку» на спектакль «Затоваренная бочка тары». Надежда всячески старалась посещать хоть часть занятий на курсах, просила девушек отмечать её присутствие. Вдруг сотрудница из её

организации позвонила, что Никита брал адрес гостиницы и собрался приехать на выходные. «А мы махнём на выходные в свой город, и ты обвинишь мужа, что хотела повидать его сюрпризом, а он не дождался» – предложил Валерий Иванович. Надя предупредила администратора «Юности», что уедет в родной город, но номер остаётся за ней. «Какую только фантазию не придумаешь, чтобы не расставаться с любимой!» – подумал Сорокин.

Рассчитали правильно, Надежда оставила записку на кровати, которую они с Валерой не тронули, и вернулись в гостиницу, надеясь, что Никита уже на пути к дому. «Странно, – не переставал удивляться Валерий Иванович, – как мы могли расстаться в юности, когда так искренне любили друг друга. А я – круглый дурак, самовлюблённый эгоист, упустивший своё счастье, позволил Надежде выйти замуж за Никиту назло мне. Как дальше нам жить, если я уже точно не вернусь к Зине? А что будут делать Надя с Никитой? Моя любовь не взрыв шампанского, а самый изысканный коньяк двадцатипятилетней выдержки, и я мечтаю смаковать его весь предстоящий остаток жизни. Поймут ли дочь с сыном, хотя я всё сделал, чтобы они жили самостоятельно и независимо от родителей».

Такие же мысли одолевали и Надежду, только ей было сложнее разорвать отношения с мужем, который относился к ней с неизменной любовью. Последняя неделя прошла неплохо, но тревожные нотки переживаний за будущее то и дело давали о себе знать.

Зина сильно не удивилась, когда муж заявил, что уходит из дома. Деловито помогла ему собрать чемодан и даже не задавала лишних вопросов, так как догадывалась о причине ухода. Сорокин временно поселился в своём кабинете, о чём знали только Варвара-уборщица и Надежда. Как выкраивали они время для встреч, сами удивлялись. Всё было бы терпимо, но сердобольная Надя взялась постирать рубашки и майки к себе домой, не стирать же Валере одежду под холодным краном. Постирала со своими вещами, да и, развесила на лоджии. И надо же беде случиться, Никита, утром, выходит на лоджию и вдруг видит на верёвке чужие мужские рубашки! Он тут же возвращается в свою комнату, хватает

охотничью двустволку, походит мимо ошалевшей супруги на лоджию и в упор расстреливает рубашки Валерия! «Будешь бегать к нему, пожалееете!» – бросил он и выскочил из квартиры. Надежда ещё долго не могла прийти в себя, всё можно было предположить, но, чтобы вот так пальнуть по рубахам из ружья... «Надо что-то делать! Надо что-то делать!» – машинально шептала она, собирая побывавшие в «неравном бою» рубахи любимого.

Сорокин писал очередную бумагу в администрацию, ожидая прихода Нади или звонка. Вдруг внизу кто-то громко хлопнул дверью. Валерий Иванович выглянул из лестничного пролёта третьего этажа и увидел быстро поднимающегося Никиту, причём, как ему показалось, в руке у того что-то блеснуло. «Всё узнал и пришёл меня зарезать!» – пронеслось в мозгу у Сорокина. Ноги сами его понесли в кабинет, на балкон

и спустили с пожарной лестницы. Он остановился возле почтамта. Сердце бешено колотилось, дыхание непривычно сбивчиво пыталось восстановиться... «Даа, уже не двадцать лет, здорово не для ковбойских подвигов, надо как-нибудь объясниться с Никитой без ножей, от Нади я не отступлюсь!»

На следующий день Валерий никого не принимал, лежал в кабинете на диване и чувствовал себя совершенно разбитым. Когда пришла Надежда и рассказала историю про рубахи, Валерий спросил: «Надь, вот постарею, разболеюсь, что ты будешь со мной делать?». «Не волнуйся дорогой, я из-под тебя горшки выносить буду! Ни за что, тебя не брошу!». Этой фразой про «горшки» она окончательно поразила Валерия Ивановича. И он понял: что бы ни было, он пройдет через все преграды, и они с Надеждой будут вместе всю оставшуюся жизнь.

30 ноября 2021 года разгул стихии нанёс непоправимый ущерб усадебному парку Спаского-Лутовинова: от порывов ураганного ветра погибло несколько старых елей, ясеней и берёз, немало потерь и в старинной липовой аллее. Но настоящей трагедией стало падение Тургеневского дуба: шквал ветра буквально вырвал 30-метровое дерево из земли. 198-летний Тургеневский дуб был внесён в Реестр старовозрастных деревьев. В 2021 году он был признан главным деревом страны. С грустью говорят о погибшем дереве многие комментарии в соцсетях. Александр Лысенко написал стихотворение «Прощай, друг!», посвящённое дереву, которое любили и знали все, кто побывал в Спасском-Лутовинове, к которому шли как к «доброму другу», к источнику вдохновения и восхищения.

Вот фрагмент стихотворения:

*...Казалось нам всем, что столетья пройдут,
А дуб будет крепче и краше,
И в Спасской красе вдохновенье найдут
Таланты и гении наши...*

*Но! Вдруг пошатнулся зелёный наш храм
И рухнул, как воин сражённый.
Вздых сломанных веток взмыл к дальним мирам,
Оставив народ поражённый.*

*Стихия не смотрит, что рушить, крушить,
Но всем страшно жаль, что случилось.
А дуб в наших душах всегда будет жить
С любовью, чтоб там ни сложилось.*